

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

от 11 июля 2025 г. № 306-ЭС24-23083 (2)

г. Москва

Дело № А72-19547/2022

Резолютивная часть определения объявлена 3 июля 2025 г.
Полный текст определения изготовлен 11 июля 2025 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Шилохвоста О.Ю.,
судей Букиной И.А. и Капкаева Д.В. –

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу публичного акционерного общества «Сбербанк России» (далее – банк) на постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2024 г. и постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 2 ноября 2024 г. по делу № А72-19547/2022 о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Производственная фирма «Инзенский деревообрабатывающий завод» (далее – должник, завод).

В судебном заседании приняли участие конкурсный управляющий должника Булка Алексей Александрович, а также представители:

банка – Пинеиро О.В. по доверенности от 9 августа 2024 г. № ЦА-РД/321-Д; Сафонов Д.Н. по доверенности от 19 июня 2025 г. № ЦА-РД/481-Д;

Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – прокуратура) – Слободин С.А. по доверенности от 27 июня 2025 г. № Дов-2581-25/20730001;

Федеральной налоговой службы (далее – уполномоченный орган) – Земскова О.В. по доверенности от 19 августа 2024 г. № 34-27/4; Солдатенков В.Ю. по доверенности от 9 декабря 2024 г. № БВ-21-18/835; Степанов О.С. по доверенности от 27 декабря 2024 г. № БВ-21-18/884; Урусова А.В. по доверенности от 2 июля 2025 г. № ЕА-21-18/365.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Букиной И.А. и объяснения участвующих в обособленном споре лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

У С Т А Н О В И Л А:

в рамках дела о банкротстве завода уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о включении требований в третью очередь реестра требований кредиторов должника на сумму 109 751 549 руб. 31 коп., как обеспеченных залогом.

Определением Арбитражного суда Ульяновской области от 21 июля 2023 г. требование уполномоченного органа включено в третью очередь реестра требований кредиторов должника, вопрос об установлении статуса залогового кредитора выделен в отдельное производство.

Конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением (с учетом уточнения заявленных требований) о признании недействительной сделки по установлению налоговым органом залога в отношении 4 объектов недвижимости и 153 единиц движимого имущества, принадлежащих должнику, а также о применении последствий недействительности сделки в виде признания залогового обременения отсутствующим.

Определением Арбитражного суда Ульяновской области от 18 января 2024 г. обособленные споры по заявлениям уполномоченного органа и конкурсного управляющего объединены в одно производство для их совместного рассмотрения.

Определением Арбитражного суда Ульяновской области от 5 марта 2024 г. заявление конкурсного управляющего удовлетворено. В удовлетворении заявления уполномоченного органа об установлении статуса залогового кредитора отказано.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2024 г., оставленным без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 2 ноября 2024 г., определение суда первой инстанции от 5 марта 2024 г. отменено, в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано. Требования уполномоченного органа в размере 109 751 549 руб. 31 коп.

признаны обеспеченными залогом имущества должника.

Конкурсный управляющий и банк обратились в Верховный Суд Российской Федерации с кассационными жалобами, в которых просили постановления судов апелляционной и кассационной инстанций отменить.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2025 г. в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

Не согласившись с вынесенным определением, банк обратился в Верховный Суд Российской Федерации с жалобой в порядке, предусмотренном положениями части 8 статьи 291⁶ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по экономическим спорам от 6 июня 2025 г. определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2025 г. № 306-ЭС24-23083 (1, 2) отменено, кассационная жалоба банка вместе с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В отзывах на кассационную жалобу уполномоченный орган просил обжалуемые судебные акты оставить без изменения, а конкурсный управляющий поддержал кассационную жалобу банка.

В судебном заседании представители банка и конкурсный управляющий поддержали доводы, изложенные в кассационной жалобе, представители уполномоченного органа возражали против ее удовлетворения, а представитель прокуратуры поддержал позицию уполномоченного органа.

Проверив материалы обособленного спора, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе и отзывах на нее, заслушав участвующих в деле лиц, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов дела, в отношении должника проведена выездная налоговая проверка по всем налогам, сборам, страховым взносам за период с 1 июля 2017 г. по 31 декабря 2019 г., в ходе которой и проведенных дополнительных мероприятий налогового контроля установлена неуплата должником в 2017–2019 г. налога на добавленную стоимость (далее – НДС), уменьшение излишне предъявленного НДС к возмещению из бюджета и налога на прибыль организаций по нескольким эпизодам.

Решением налоговой инспекции от 30 мая 2022 г. № 1705 должник привлечен к налоговой ответственности. В целях обеспечения исполнения данного решения, а также решения вышестоящего налогового органа от 31 августа 2022 г. № 07-07/1862@ уполномоченным органом принято решение от 30 мая 2022 г. № 36 о принятии обеспечительных мер (с изменениями от 6 сентября 2022 г. и от 3 мая 2023 г.) на общую сумму налоговых доначислений 109 751 549 руб. 31 коп. в порядке, предусмотренном пунктом 10 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

Указанным решением наложен арест на 4 объекта недвижимости, а также 153 единицы движимого имущества, принадлежащие должнику. Арест имущества зарегистрирован налоговым органом. В период с 14 сентября 2022 г. по 16 сентября 2022 г. в Единый государственный реестр недвижимости внесены записи об ипотеке в пользу налогового органа в отношении недвижимого имущества. Залог в пользу налогового органа в отношении движимого имущества учтен 20 сентября 2022 г. посредством нотариального удостоверения с выдачей свидетельств о регистрации уведомления о возникновении залога движимого имущества.

Полагая, что наложенный на имущество арест предоставляет кредитору права залогодержателя в деле о банкротстве, уполномоченный орган просил признать его требования обеспеченными залогом.

В заявлении о признании сделки недействительной конкурсный управляющий указывал, что действия по оформлению залога совершены налоговым органом в период с 14 сентября 2022 г. по 20 сентября 2022 г., то есть в пределах шести месяцев до даты возбуждения дела о банкротстве должника (9 января 2023 г.), что свидетельствует о наличии у соответствующих действий признаков сделки с предпочтением на основании статьи 61³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Разрешая спор, суд первой инстанции указал, что задолженность перед налоговым органом возникла до 2022 г., а залог установлен в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве; на момент заключения спорной сделки у должника имелась задолженность перед иными кредиторами, которая до настоящего времени не погашена; залог предоставлен должником в обеспечение ранее возникших обязательств. С учетом этого суд пришел к выводу, что оспариваемая сделка отвечает формальным признакам недействительности, установленным абзацами вторым и третьим пункта 1 статьи 61³ Закона о банкротстве, не требующим подтверждения осведомленности

кредитора о неплатежеспособности должника, в связи с чем суд признал указанную сделку недействительной и отказал уполномоченному органу в установлении за ним статуса залогового кредитора.

Отменяя определение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, сославшись на пункт 4 статьи 61⁴ Закона о банкротстве, указал, что существенное значение имеет факт осведомленности уполномоченного органа о наличии у должника на момент совершения оспариваемой сделки просроченных денежных обязательств перед иными кредиторами. Суд заключил, что уполномоченный орган не был осведомлен о наличии у должника иных кредиторов, отметив, что действия по наложению ареста и регистрации залога вытекают из обязанности должника по уплате доначисленных ему сумм налогов, пеней, штрафов.

При таких условиях суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для признания сделки недействительной и с учетом положений пункта 2¹ статьи 73 НК РФ признал требования уполномоченного органа обеспеченными залогом.

Впоследствии с указанными выводами согласился суд округа.

Между тем судами не учтено следующее.

Смысл предусмотренного гражданским законодательством института залога как способа обеспечения исполнения обязательств по общему правилу состоит в возможности получить приоритетное удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами должника (пункт 1 статьи 334 Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Ординарный залог, дающий приоритет залогодержателю в процедуре банкротства, возникает в силу договора или закона (пункт 1 статьи 334¹ ГК РФ).

Наряду с приоритетным удовлетворением требования кредитора из стоимости предмета залога другая ключевая функция залога состоит в обеспечении сохранности имущества залогодателя и предоставлении залогодержателю механизмов контроля над этим имуществом (пункт 3 статьи 343 и статья 347 ГК РФ).

Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» статья 334 ГК РФ была дополнена пунктом 5 следующего содержания: «если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174¹ Кодекса), обладает правами и обязанностями

залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены».

Раскрывая смысл и содержание приведенной нормы права, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденного 26 апреля 2017 г., а также Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 27 февраля 2017 г. № 301-ЭС16-16279, вынесенном по итогам рассмотрения в том числе жалобы уполномоченного органа, отметили, что наделение кредитора правами залогодержателя, прежде всего, обусловлено необходимостью защиты его прав путем предоставления кредитору возможности обратиться взыскание на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете (закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью). Кроме того, названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и они действуют в рамках общих правил исполнения.

Порядок же исполнения актов о взыскании задолженности с несостоятельного должника регулируется нормами законодательства о банкротстве, которые являются специальными по отношению к общим правилам исполнения. Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест. Наоборот, правоотношения, связанные с банкротством, основаны на принципе равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (пункт 4 статьи 134 Закона о банкротстве), что, в свою очередь, не допускает введение судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от формальных (процедурных) критериев, не связанных с ее материальной правовой природой (в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста).

Резюмируя изложенное, судебная коллегия пришла к выводу, что наличие судебного акта о принятии в отношении имущества должника обеспечительных мер в виде ареста не является достаточным основанием для признания требования кредитора обеспеченным залогом арестованного имущества в деле о банкротстве.

Изложенный правовой подход впоследствии воспроизведен

в пункте 4 Обзора судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г.

Таким образом, с 2017 года судебная практика по вопросу о получении кредитором в процедуре банкротства залогового приоритета, вытекающего из судебного ареста, сформирована с учетом указанного правового подхода, согласно которому такой приоритет отсутствует.

Федеральным законом от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» статья 73 НК РФ была дополнена пунктом 2¹ следующего содержания: «в случае неуплаты в течение одного месяца задолженности, указанной в решении о взыскании, исполнение которого обеспечено наложением ареста на имущество в соответствии с настоящим Кодексом, либо вступления в силу решения, предусмотренного пунктом 7 статьи 101 настоящего Кодекса, исполнение которого обеспечено запретом на отчуждение (передачу в залог) имущества налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) без согласия налогового органа, имущество, в отношении которого применен указанный в настоящем пункте способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов (сборов, страховых взносов) или принята обеспечительная мера, признается находящимся в залоге у налогового органа на основании закона».

При этом согласно пункту 7 статьи 73 НК РФ к правоотношениям, возникающим при установлении залога в качестве способа обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов, сборов, страховых взносов, применяются положения гражданского законодательства, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах.

Следовательно, предусмотренный статьей 73 НК РФ залог является разновидностью залога по смыслу гражданского законодательства, в связи с чем и залог, возникший из ареста на основании пункта 2¹ указанной статьи, является частным случаем залога, возникшего из ареста в силу пункта 5 статьи 334 ГК РФ. По этой причине к залогам из налогового ареста применимы все те же выводы, которые ранее были сформированы в судебной практике применительно к иным видам арестных залогов.

Вопреки позиции уполномоченного органа указание в пункте 2¹ статьи 73 НК РФ на признание имущества «находящимся в залоге у налогового органа на основании закона» само по себе не дает достаточных оснований для вывода о дифференциации в объеме

правопритязаний кредиторов в отношении имущества должника в деле о банкротстве в зависимости от вида ареста (налогово-административный или судебный), поскольку в системе действующего правового регулирования пункт 5 статьи 334 ГК РФ имеет равную нормативную силу с положениями НК РФ и потому также может рассматриваться как закон, на основании которого возникает залог. При этом необходимо принять во внимание, что сущность регулируемых отношений является тождественной: в обоих случаях ввиду неисполнения ранее возникшего обязательства накладывается запрет на распоряжение имуществом, который вне процедур банкротства дает кредитору право на преимущественное удовлетворение из стоимости арестованной вещи.

Более того, изменения в налоговое законодательство в 2019 г. не сопровождались корреспондирующими изменениями в законодательство о банкротстве, что свидетельствует о наличии у законодателя воли на предоставление налоговому органу того же объема полномочий, который сформировался к этому моменту на основе судебной практики у кредиторов в рамках гражданских правоотношений.

В любом случае иной подход к правовому регулированию, влекущий различные правовые последствия по схожим правоотношениям, являлся бы фундаментально несправедливым, нарушающим без должных оснований конституционный принцип равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации), гарантирующий защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означающий, помимо прочего, недопустимость введения не имеющих объективного и разумного оправдания ограничений в правах лиц, принадлежащих к одной категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях и т.п.).

Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) имеет своей основной целью установление правил, позволяющих обеспечить максимальное удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника при соблюдении принципов равенства кредиторов, очередности и пропорциональности.

Смысл указанных принципов заключается в том, чтобы равные по отношению к должнику кредиторы могли претендовать на равное и справедливое удовлетворение своих требований за счет распределения средств конкурсной массы между кредиторами пропорционально объему требований, включенных в реестр, от общей суммы задолженности. Если один из кредиторов (либо группа кредиторов) получает более полное удовлетворение требований, нежели другие, равные ему, то он без каких-либо оснований оказывается в

преимущественном положении. Более того, этот кредитор получает преимущество за счет других кредиторов, так как удовлетворение его требований уменьшает размер конкурсной массы, что в условиях недостаточности имущества должника для покрытия всех требований неизбежно влечет уменьшение размера удовлетворения требований прочих кредиторов.

Всякое отступление в процедуре банкротства от принципов равенства и пропорциональности является исключением из общих правил и потому должно иметь объективные и разумные оправдания, а также должно быть прямо и недвусмысленно оговорено в законе.

Так, в частности, установление особого благоприятного режима для текущих платежей обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечения финансирования расходов на процедуру банкротства, а вынесение требования вследствие ответственности должника за причинение вреда жизни или здоровью и требования по выплате заработной платы в приоритетные первую и вторую очереди погашения связано с их повышенной социальной значимостью.

Сохранение в банкротстве за залоговым кредитором его права преимущественного удовлетворения своих требований перед другими кредиторами связано с существенным влиянием института залога на решение экономических задач. В рыночной экономике предпринимательская деятельность обычно сопровождается привлечением кредитных (заемных) или инвестиционных средств, что требует предоставления надлежащих гарантий кредиторам и инвесторам. Доступность и стоимость кредита (заемных средств) для предпринимателей, а значит, и цена конечной продукции, работ и услуг во многом определяются тем, насколько эффективны гарантии исполнения обязательств, и прежде всего – залог. Именно приоритет прав залогового кредитора, то есть возможность залогодержателя получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами, позволяет залогу действительно выполнять свою обеспечительную функцию, защищать имущественные интересы залогодержателя как инвестора, способствовать привлечению инвестиций в разные сферы экономики и, соответственно, ее развитию в целом (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2024 г. № 16-П).

Из изложенного следует, что сохранение за залоговым кредитором приоритетного удовлетворения своих требований из стоимости заложенного имущества в том числе стимулирует развитие гражданско-правовых отношений между участниками рынка. В случае же с залогом, возникшим из наложенного уполномоченным органом ареста, такие задачи не реализуются, поскольку арест

осуществляется с целью обеспечения исполнения уже возникшего обязательства.

Законодательство о банкротстве также не устанавливает преференций для уполномоченного органа по отношению к требованиям конкурсных кредиторов той же очереди. Так, необходимо учитывать, что налоговые и сходные с ними иные публичные обязательства организаций не существуют сами по себе, они являются прямым следствием деятельности юридического лица в экономической сфере и обусловлены ею: их возникновению, как правило, предшествует вступление лица в гражданские правоотношения, то есть налоговые обязательства базируются на гражданско-правовых отношениях либо тесно с ними связаны, а потому в процедурах банкротства они следуют судьбе таких обязательств, в том числе охватываются тем же уровнем защиты (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2024 г. № 305-ЭС23-19921).

Кроме того, судебная коллегия полагает, что отсутствуют основания для отступления от принципа равенства и предоставления преимущества кредитору, добившемуся ареста, и в качества поощрения за активность при реализации своих прав и за обеспечение сохранности конкурсной массы. Содержание законодательства о банкротстве не дает оснований для дифференциации очередности удовлетворения реестровых требований в зависимости от активности занимаемой кредиторами процессуальной позиции, так как любое лицо, совершающее действия в целях сохранения (пополнения) конкурсной массы, действует в интересах всей группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника.

Иное противоречило бы природе отношений кредиторов как участников такого сообщества в процедуре банкротства и с неизбежностью повлекло бы вывод о том, что, к примеру, кредитор, оспаривающий в процедуре банкротства сделки по специальным основаниям (статьи 61² и 61³ Закона), должен был бы получить удовлетворение из стоимости имущества, возвращенного в порядке реституции, преимущественно перед кредиторами, не обращавшимися с иском об оспаривании сделок. Однако такой вывод не согласуется с нормами о возврате имущества по оспоренной сделке в конкурсную массу, а также с нормами об очередности и пропорциональности при последующих с расчетах со всеми кредиторами (пункт 1 статьи 61⁶, пункты 2 и 3 статьи 142 Закона о банкротстве).

Также и в случае принятия обеспечительных мер: кредитор, добившийся наложения ареста, действовал не только к своей выгоде, но и в интересах общего дела группы лиц, объединяющей гражданско-правовое сообщество кредиторов. Несмотря на то, что дело о

банкротстве к моменту наложения таких арестов еще, как правило, не возбуждено, обстоятельства, являющиеся причиной наложения арестов, лежат в плоскости именно неисполнения обязательств, в связи с чем такая добанкротная деятельность кредиторов по обеспечению сохранности имущества должна подчиняться общим принципам законодательства о банкротстве, в том числе о групповой природе отношений всех кредиторов, имеющих общий интерес в максимально возможном удовлетворении требований.

Из изложенного следует, что подход судов о сохранении в банкротстве залогового эффекта налогового ареста вступает в противоречие с ранее сформулированным правовым подходом по залому из судебного ареста и, как следствие, – принципом равного отношения ко всем кредиторам (особенно кредиторам, отношения с которыми послужили основанием для возникновения налоговой обязанности).

При отстаиваемом уполномоченным органом подходе объем прав из ареста судебного был бы меньше, чем из ареста, накладываемого уполномоченным органом в рамках административной процедуры, притом что такой арест накладывается им фактически в условиях объективно предопределенного конфликта интересов, поскольку уполномоченный орган выступает и кредитором, и публичным органом, санкционирующим такой арест.

Судебная коллегия обращает внимание и на то, что в силу абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства снимаются ранее наложенные аресты на имущество должника и иные ограничения распоряжения имуществом должника. Таким образом, коль скоро снимаются аресты с имущества должника, то и влекомые им последствия отпадают и не могут быть противопоставлены иным кредиторам в деле о банкротстве.

По сути, к этому моменту обеспечительные меры и возникший на их основании залог выполнили свою функцию: имущество сохранено, находится вне контроля должника и за счет этого имущества можно удовлетворить требования кредиторов. Таким образом, несмотря на ранее наложенный арест, имущество должника в силу прямого указания статьи 126 Закона о банкротстве включается в его конкурсную массу, подлежит свободной реализации только в деле о банкротстве, а вырученные денежные средства – распределению между всеми кредиторами в соответствии с принципами очередности и пропорциональности (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2024 г. № 302-ЭС23-10298 (2)).

Также вопреки политико-правовым доводам уполномоченного органа о пользе арестного залога, выражающейся в превенции новых банкротств, наличие ареста только повысит вероятность возбуждения таких дел. В действительности, сохранение залогового эффекта как судебного, так и налогового ареста в процедуре банкротства не способствует примирению сторон как приоритетной форме прекращения всякого спора, поскольку стимулирует кредиторов к скорейшей подаче заявления о банкротстве должника с целью приближения даты возбуждения дела к дате возникновения (регистрации) залога, с тем чтобы последняя попала в период предпочтительности (статья 61³ Закона о банкротстве), поскольку, если бы залог из ареста признавался российским правопорядком, то действия, направленные на его возникновение, безусловно, подлежали бы оспариванию по общим правилам статьи 61³ Закона о банкротстве как сделки с предпочтением. В таких условиях возможность выхода должника из временного финансового кризиса практически исключалась бы, неминуемо приближая процедуру судебного банкротства за счет стимулирования незалоговых кредиторов к подаче соответствующих заявлений.

С учетом изложенного судебная коллегия приходит к выводу, что наличие налогового ареста в отношении имущества должника не является достаточным основанием для признания требования уполномоченного органа обеспеченным залогом арестованного имущества в деле о банкротстве должника, в связи с чем обжалуемые судебные акты в части установления за уполномоченным органом статуса залогового кредитора подлежат отмене с принятием нового судебного акта об отказе в удовлетворения такого заявления.

В отношении требования конкурсного управляющего о признании недействительной сделки по установлению уполномоченным органом залога в отношении имущества должника судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Как правильно установлено судом первой инстанции, действия уполномоченного органа по установлению залогового обеспечения формально подпадают под диспозицию абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 61³ Закона о банкротстве, и в случае если бы правопорядок признавал сохранение залогового эффекта в результате наложенного ареста (как судебного, так и налогового) могли бы оспариваться как сделка с предпочтением.

При наличии условий, предусмотренных абзацами вторым и третьим пункта 1 статьи 61³ Закона о банкротстве, недобросовестность контрагента по сделке не подлежала бы доказыванию исходя из прямого указания пунктов 2 и 3 этой статьи. Состав недействительности такой сделки с предпочтением, по сути, носит

формальный характер (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2016 г. № 307-ЭС15-17721 (4), от 25 мая 2023 г. № 305-ЭС22-25840).

С учетом этого судом первой инстанции правильно отклонены возражения уполномоченного органа со ссылкой на пункт 4 статьи 61⁴ Закона о банкротстве, устанавливающий специальный критерий недобросовестности, который применяется в отношении обязательных платежей, со ссылкой на то, что установление залогового обеспечения не относится к числу ординарных способов взыскания обязательных платежей, то есть не является сделкой по исполнению налоговой обязанности (перечислению денег в бюджет).

Вместе с тем, поскольку арест имущества не порождает залога в процедуре банкротства, действия уполномоченного органа по установлению ареста и регистрации залоговых прав сами по себе не могли повлечь оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований, что исключает возможность признания оспариваемой сделки недействительной на основании статьи 61³ Закона о банкротстве.

При таких условиях в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности также следует отказать.

В связи с тем, что в судебных актах содержатся существенные нарушения норм материального права, которые повлияли на исход рассмотрения обособленного спора и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов сообщества кредиторов, то данные акты на основании части 1 статьи 291¹¹ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подлежат отмене с принятием нового судебного акта об отказе в удовлетворении заявлений уполномоченного органа и конкурсного управляющего.

Руководствуясь статьями 291¹¹ – 291¹⁴ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

определение Арбитражного суда Ульяновской области от 5 марта 2024 г., постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2024 г. и постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 2 ноября 2024 г. по делу № А72-19547/2022 отменить.

В удовлетворении заявления Федеральной налоговой службы о признании требований в размере 109 751 549 рублей 31 копейка как обеспеченных залогом имущества должника отказать.

В удовлетворении заявления конкурсного управляющего общества с ограниченной ответственностью «Производственная фирма «Инзенский деревообрабатывающий завод» о признании недействительной сделки по установлению Федеральной налоговой службой залога в отношении имущества должника и применении последствий недействительности сделки отказать.

Председательствующий судья

О.Ю. Шилохвост

Судья

И.А. Букина

Судья

Д.В. Капкаев